

избѣгнуть всего показного и банальнаго, идти прямо къ истинѣ, которую не любятъ говорить, и къ тѣмъ подробностямъ, которыя могутъ выяснитъ ее.

Но, какъ было замѣчено выше, мы вообще знаемъ мало, и особенно мало знаемъ точно о великихъ людяхъ прошедшихъ временъ. Тутъ критикѣ всегда приходится встрѣтитъ предъ собою жестокую дилемму: истину можно знать ей только о живыхъ, а сказать истину возможно только объ умершихъ. Къ этому слѣдуетъ еще присоединить одно неудобство, заключающееся въ самой методѣ: мы рѣшительно ничего не знаемъ о той роли, какую играетъ происхожденіе автора по отношенію къ его творчеству. На той степени, на какой находится современное знаніе, всѣ наши предположенія относительно вопроса, отъ кого авторъ наслѣдовалъ свои предрасположенія, должно признать бесполезными гипотезами. Есть еще одно затрудненіе въ самомъ примѣненіи метода С.-Бёва: оно чувствуется даже у него самого, такъ какъ онъ всегда обходитъ это затрудненіе и никогда не преодолеваетъ его. Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ: обыкновенно критикъ читаетъ то произведеніе, которое онъ намѣревается истолковать и судить,—не разъ и въ разные періоды своего собственного развитія, и при этомъ онъ всегда бываетъ поражаемъ въ немъ чѣмъ-нибудь новымъ, а потому смотреть на него съ столь различныхъ точекъ зрѣнія, что ему оказывается рѣшительно невозможнымъ, безъ нѣкотораго внутренняго насилія надъ самимъ собою, установить въ себѣ какое-нибудь одно впечатлѣніе и одну постоянную точку зрѣнія. Затрудненія еще болѣе усиливаются, когда приходится имѣть дѣло не съ однимъ произведеніемъ, а съ цѣлымъ рядомъ произведеній плодовитаго автора или съ цѣлою литературною школою...

Сентъ-Бёвъ обходитъ это затрудненіе, выдвигая постепенно новыя картины и приводя новыя сужденія о томъ же предметѣ, а затѣмъ предоставляетъ читателю самому вывести свои заключенія. Онъ потому очень вѣрно избралъ девизомъ къ одному изъ сборниковъ его этюдовъ слѣдующія слова: „*Nous sommes mobiles et nous jugeons des êtres mobiles*“, т.-е. „мы сами измѣнчивы и измѣнчивыхъ судимъ“... Изъ этого слѣдуетъ, что С.-Бёвъ отклонялъ отъ себя обязанность сливать въ одно неизмѣняемое цѣлое всѣ разсѣянные черты постоянно видоизмѣняющагося бытія и оставлялъ насъ при длинномъ рядѣ портретовъ, повидимому, правдивыхъ, но очень часто противорѣчивыхъ...

Тѣмъ не менѣе реформа, произведенная С.-Бёвомъ въ критикѣ, была весьма замѣчательна. Во-первыхъ, онъ указалъ критикѣ